

Обыкновенный, но не типичный... [Рец. на:] Фирсов С.Л. Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М.: ПСТГУ, 2011. 236 с. 1000 экз.

27 февраля 2012 г.

[Мраморнов Александр Игоревич](#)

В рецензии на книгу С.Л. Фирсова, повествующую о жизни, служении и политической деятельности последнего Петроградского митрополита перед Февральской революцией 1917 года – Питирима, ученый секретарь ОЦАД А.И. Мраморнов оспаривает некоторые утверждения автора монографии. Он также выделяет достоинства и недостатки недавней публикации.

Прошедший 2011 г. не принес науке об истории Русской Православной Церкви в литературе богатого урожая новых трудов и сочинений. Среди продолжавших активно трудиться – проверенный временем «генералитет» нашей церковной историографии, в частности профессор Санкт-Петербургского государственного университета Сергей Львович Фирсов. В истекшем году он порадовал коллег и всех интересующихся прошлым нашей Церкви сразу тремя монографическими работами, на одну из которых я хотел бы обратить внимание читателей портала «Богослов.Ru». Речь идет о монографии, посвященной митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому (1915 – 1917) Питириму (Окнову).

По определению автора, митрополит Питирим был «*обыкновенным церковным иерархом*», при этом игравшим накануне революции «уникальную (так ли? – А.М.) для православного архиерея политическую роль» (С. 6, см. также С. 43).

Действительно, вопрос о том, почему *обыкновенные* (для своего слоя или корпоративной группы) люди в обход более выдающихся по опыту и интеллекту коллег (сослужителей) выходят на первые позиции, немаловажен в истории вообще, а в церковной – в частности. Но особо актуален этот вопрос для переходных и кризисных периодов, времени бифуркации.

Как – скажем прямо – посредственности оказываются на вершине власти: когда светской, а когда и церковной? Имеются в виду не чисто духовные и даже провиденциальные причины (попущение Господне), но социальные механизмы. Их-то во многом на конкретном примере (митрополита Питирима) пытается если не вскрыть, то приоткрыть С.Л. Фирсов в своей новой книге.

Жизненный путь митрополита Питирима автор считает *типичным* для русского архиерея, при этом, впрочем, замечая, что «обобщения... неуместны» (С. 9). Позволим себе не согласиться с исследователем: уместность обобщений даже при историческом изучении епископата очевидна (о чем и свидетельствуют труды просопографического характера^[i]). Трудно назвать *типичной* и биографию митрополита Питирима^[ii]. Автор этих строк значительное время потратил на изучение биографии епископа Гермогена, который в течение почти всего служения на саратовской кафедре постоянно находился в разъездах по огромной епархии, а потому хроника его служения в самых разных уголках Саратовского Поволжья – отдельная страница истории и аспект его биографии как исторической фигуры (хотя и он, и митрополит Питирим были не только церковными, но и *политическими* деятелями). В книге же С.Л. Фирсова мы практически не видим иерарха, находящегося в общении со своей паствой. Церковного прожектера, политика-интригана, фигуру, находящуюся в определенном круге общения, – да. Пастыря – нет. Если мы назовем такой подход *типичным*, то признаем, что *типичным* для архиерея синодальной эпохи было находиться вне активного общения со своей паствой. Но упомянутый пример епископа Гермогена опровергает такой подход, а его фигура в этом смысле не представляется такой уж уникальной. Видимо, вопрос требует отдельного обстоятельного изучения.

Кроме предисловия, отчасти нами уже процитированного, в книге присутствуют пять глав и заключение. Обратимся к основному содержанию монографии.

В первой главе («В начале жизни») автор дает краткий очерк истории семьи Павла Васильевича Окнова (впоследствии – митрополита Питирима), останавливаясь на интересной фигуре его отца, священника Василия Васильевича Окнова. Уроженцу Тверской епархии, ему довелось служить в Западном крае империи, недалеко от Риги. Там он выучил за короткое время латышский язык и занимался переводом на него православного богослужения.

Здесь уместным было бы заметить, что важным источником для С.Л. Фирсова стала официальная биография митрополита Питирима, изданная при назначении последнего на Санкт-Петербургскую кафедру. Надо отдать должное исследователю: он использует этот источник с большой осторожностью и оговорками.

С.Л. Фирсов, как и в других своих трудах историко-биографического характера, обращает пристальное внимание на особенности личности своего главного героя, на этапы его становления. Для митрополита Питирима такой особенностью было влияние на него матери (С. 16 – 17). Впрочем, единственным источником, который нам об этом сообщает (по крайней мере в рамках источниковой базы, привлеченной С.Л. Фирсовым), является уже упомянутая официальная биография митрополита. И как будто от этого особого влияния матери производной была женственность, особая изящность иерарха (см. на С. 20 – 21).

Будущий митрополит прошел курс основного образования в гимназии, а не в семинарии, как большинство архиереев его времени (впрочем, здесь опять уместно сопоставить владыку Питирима с уже упомянутым выдающимся иерархом той же эпохи епископом Саратовским Гермогеном, который из семинарии некогда перешел доучиваться в систему светского образования).

После гимназии, в которой Павла Окнова его одноклассники называли «монахом», он поступил Киевскую духовную академию. Затем последовали постриг и стремительная карьера «ученого монаха» на должностях инспектора ставропольской семинарии, председателя совета Александро-Андреевского братства, ректора столичной семинарии, а также высокая награда – синодальный золотой наперсный крест. Обозревая этот период жизни будущего петроградского митрополита, автор книги не обошел и сохранившиеся в источниках скандальные сведения о «соблазнительном» поведении о. Питирима в бытность ректором семинарии (чуть ниже исследователь снова возвращается к теме – см. С. 55 – 57).

Подводя итоги периода иерархического возрастания, этого пути к епископству, С.Л. Фирсов предпочитает указать скорее на то, кем о. Питирим *не был*, чем на то, кем он стал в это время. По мнению исследователя, не был он ни известным богословом, ни выдающимся церковным педагогом, ни «кумиром церковной молодежи» (об уместности такого выражения в церковно-исторической работе отдельно рассуждать не станем), ни идеологом ученого монашества. Начальственное своеволие, жестокость, агрессия ему также не были свойственны. «Это был обычный архиерей, ...без претензий на лидерство, но с желанием быть любимым паствой», – заключает автор (С. 28).

Характеристику архиерейского служения владыки Питирима С.Л. Фирсов, открывая вторую главу книги («Архипастырь»), начинает с отсылки к рассказу А.П. Чехова «Архиерей». Напомнив сюжет рассказа, историк высказывает точку зрения, что «чиновный взгляд на архипастырское служение за десятилетия (синодального периода. – А.М.) стал нормой» (С. 31). С этим трудно не согласиться, тем более что самоощущение архиерея как чиновника выражалось не только в его поведении с подчиненными (часто высокомерном), но и в заискивании перед светским чиновником центрального аппарата ведомства православного исповедания. Часто случалось так, что умение понравиться обер-прокурору или его товарищу, а не нравственная высота или управленческие, миссионерские таланты, и даже не способность зарекомендовать себя перед архипастырями определяли дальнейшую судьбу духовного лица. Так произошло и с владыкой Питиримом. Он привлек к себе внимание В.К. Саблера, заместителя К.П. Победоносцева, своим словом, сказанным на торжестве по поводу открытия мощей святителя Феодосия Черниговского в 1896 г. И вот он получил в управление Тульскую епархию, причем всё было обставлено так, как будто Синода и синодалов вовсе не было, а их мнение не учитывалось.

В Туле епископ Питирим был не менее и даже более успешен: строил новые храмы, развивал сеть церковных школ и т.п. Умение понравиться начальству снова проявилось при встрече владыки в 1904 г. с императором Николаем II, после которой он был переведен с тульской кафедры на курскую – «более видную»^[iii] (С. 38). О деятельности епископа Питирима на этих кафедрах С.Л. Фирсов пишет вскользь, основываясь в основном на воспоминаниях князя Н.Д. Жевахова. Однако одна из тем, связанных с периодом пребывания будущего столичного митрополита на этих кафедрах центральной России, выводит исследователя на вопрос о том, как преосвященный Питирим был настроен в отношении преобразований, в которых в то время так нуждалась Русская Церковь. С.Л. Фирсов заключает, что «ретроградом владыка Питирим не был»: он, как и многие другие его собратья-архипастыри, давая в 1905 – 1906 гг. предложения о необходимых Церкви реформах, критиковал существующую систему и указывал на насущные потребности в переменах.

В то же время в собственной практической архипастырской деятельности он «показывал себя верным исполнителем имевших место предписаний и сложившихся форм» (С. 41). Попутно исследователь развенчивает странный стереотип некоторых советских историков, голословно относивших епископа Питирима к черносотенцам (С. 42).

Если с одной канонизацией эпохи императора Николая II было связано возвышение епископа Питирима, то с другой – Иоасафа Белгородского в 1911 г., его опала и перемещение из Курска во Владикавказ. С.Л. Фирсов не удовлетворяется свидетельством мемуариста о том, что причиной этого стала якобы плохая организация со стороны архиерея белгородских торжеств. Исследователь устанавливает связь этого поворота в жизни Питирима с его покровительством секте стефановцев (подгорновцев). На истории последней автор книги также останавливается (С. 49 – 50), и его риторический вопрос: «мог ли архиепископ Питирим (и, главное, за какие «заслуги») почитаться стефановцами-подгорновцами?» (С. 51) – как будто возвращает читателя к теме «соблазнительных слухов», затронутой выше.

Нельзя сказать, чтобы высказанное исследователем предположение о причинах удаления архиепископа Питирима с курской кафедры было убедительно обосновано в книге. Отнюдь. Но и отметить это наблюдение не следует. В целом же очевидно, что здесь необходим поиск более надежных свидетельств.

Как бы то ни было, но уже вскоре опала с архиепископа Питирима была снята. Из владикавказской «ссылки» он был перемещен в Ставрополь, а потом – в Самару. Последнее перемещение С.Л. Фирсов называет «своеобразным оправданием». Характерно, что полгода, проведенных в Самаре, не дали, по версии автора, основывающегося на дневнике протоиерея Сергия Диомидова, ощутимых результатов или значительных событий (С. 59). Данный вывод несколько не состыкуется с другим свидетельством, приводимым в следующем абзаце, о том, что за короткий срок пребывания в Самаре преосвященный Питирим стал «кумиром города». Думается, что противоречие легко бы разрешилось при обращении к более информативному для данного случая источнику, чем мемуары и краткий дневник – к «Самарским епархиальным ведомостям» и губернской газетной прессе того времени. Это, собственно говоря, предстоит сделать при более углубленном изучении биографии преосвященного Питирима.

Глава «Архипастырь» завершается изложением обстоятельств назначения преосвященного Питирима на кафедру экзарха Грузии в 1914 г. Автор приводит ряд свидетельств источников, показывающих, что доверять историографическому стереотипу о том, что это назначение состоялось благодаря Распутину, серьезных оснований не имеется.

Третья глава («На пути к вершинам») посвящена экзаршему служению преосвященного Питирима. Первые же ее строки возвращают читателя к теме *типичности* преосвященного Питирима как православного архиерея позднесинодальной эпохи. Точнее, здесь С.Л. Фирсов начинает с разговора о его *нетипичности*, которая заключается, по его мнению, в том, что владыка, прибыв в Грузию, стал учить грузинский язык. Для изучаемой эпохи в этом, по идее, не было ничего необыкновенного: растущее национальное самосознание грузин требовало, чтобы фактический глава их Церкви если и не был грузином по своему происхождению, то хотя бы пытался соответствовать месту своего церковного служения. Кстати, уже упоминавшийся в нашей рецензии святитель Гермоген (Долганов) в бытность инспектором и ректором семинарии в Тифлисе занимался ровно тем же – учил грузинский язык и старался ознакомиться с основами грузинской национальной культуры. Но другие подобные примеры привести представляется затруднительным, и в этом смысле исследователь прав в оценке роли преосвященного Питирима в развитии церковной жизни Грузинского экзархата в предреволюционный период.

Излагая историю продолжившегося служения преосвященного Питирима на Кавказе, автор книги не мог не отметить факта очередной встречи архиерея с императором Николаем, как и факта монаршей милости в виде пожалования бриллиантового креста на клобук (С. 76).

Надо сказать, что анализ деятельности архиепископа Питирима в экзархате у исследователя оказался достаточно подробным и интересным в связи с привлечением в этой главе «Вестника Грузинского Экзархата» (привлечения епархиальных ведомостей, как мы отмечали выше, недоставало при рассмотрении предшествующих этапов его архипастырского служения) и впервые вводимых в научный оборот архивных документов. Из числа последних хотелось бы особо отметить проведенный исследователем разбор записки епископа Бакинского Григория Яцковского «Общий взгляд на состояние Бакинского викариатства и его нужды», сохранившейся в синодальных фондах РГИА. Анализ записки позволил автору вскрыть некоторые характерные черты преосвященного Питирима как политика, не способного подвергать свои личные карьерные интересы какой-либо угрозе ради попытки оптимизировать строй церковной жизни или церковного управления (см. об этом в особенности на С. 82 – 83).

И в этой же главе автор показал, как неожиданно преосвященный Питирим стал вызывать симпатию у императрицы Александры Федоровны (см. С. 89 – 90 и др.). От этого изложение логично переходит к объяснению обстоятельств перевода Питирима на столичную кафедру. Именно пятнадцати месяцам на петроградской кафедре и посвящена четвертая глава книги.

В ней, этой наиболее объемной главе монографии, затрагиваются следующие вопросы: об отношении синодалов и общества к назначению преосвященного Питирима в Петроград; о степени его влияния в Синоде (Питирим так и не стал первоприсутствующим его членом!); о развитии отношения к владыке императрицы и общении с ним царской четы; о взаимоотношениях владыки с обер-прокурорами (конфликт с А.Н. Волжиным и «тандем» (! – см. С. 156) с Н.П. Раевым). Большим научным достоинством данной главы следует признать привлечение газетной периодики. В этой главе С.Л. Фирсов, блестящий знаток предреволюционных церковно-государственных отношений, в связи с деятельностью митрополита Питирима очень хорошо раскрыл данную тему.

Материал четвертой главы преимущественно создает образ церковного политика, отчасти царедворца и в гораздо меньшей степени – святителя Церкви Божией. Так, доклад о приходе, который владыка представил императору, он фактически хотел провести в жизнь с помощью политической интриги, а не как результат соборного обсуждения хотя бы на уровне высших иерархов – членов Синода (см. С. 123 – 125). В итоге, как отмечает исследователь, «журналистский восторг по поводу инициатив владыки Питирима не разделялся... синодальными кругами и обер-прокуратурой. В действиях владыки усмотрели политическую корысть», и в результате ему было объявлено высочайшее неудовольствие (С. 130, 131).

Впрочем, следует заметить, что под реформаторскими попытками владыки Питирима имелись и реальные основания, связанные с нуждами церковной жизни. Так, именно столичный митрополит в 1915 г. возглавил особую синодальную комиссию, которая «начала разрабатывать вопрос об увеличении числа отдельных епархий» (С. 140 – 141, см. также С. 185 – 186). Фактически, речь шла о вопросе, который чуть позже, уже в революционную эпоху, будет детально разработан Всероссийским Поместным Собором. Последний вынес по нему положительные решения, в полной мере осуществляемые лишь в наши дни Святейшим Патриархом Кириллом.

О деятельности митрополита Питирима как главы Санкт-Петербургской епархии в данной части книги говорится лишь вскользь. Автор лишь сообщает со ссылкой на мемуары протоиерея Тимофея Буткевича, что преосвященный был принят столичным клиром «недружелюбно» (С. 187). Несколько слов сказано о викариях столичной епархии этого периода (С. 188 – 189), однако анализа церковной жизни предреволюционного Петрограда и губернии в связи с церковным возглавлением их Питиримом в книге не проводится.

Последняя, пятая, глава («Жизнь после власти») рассказывает читателю о последних годах митрополита Питирима, о новом периоде его земного пути. Февральско-мартовская революция 1917 г. изменила не только положение в государстве, но и в Церкви. После кратковременного задержания 28 февраля, еще через два дня, 2 марта 1917 г. – в один день с отречением императора Николая – подал прошение «об оставлении им управления столичной епархией» (С. 195). В книге хорошо показано, насколько преосвященный Питирим был шокирован задержанием: по возвращении в лавру он сжег всю свою переписку, в том числе письма матери (С. 198 – 199). Уже 5 марта владыка в письме митрополиту Киевскому Владимиру повторил свою просьбу, попросив об отправлении на покой и определении ему местом жительства монастырь Владикавказской епархии. 6 марта, определив владыке пособие на лечение, митрополит уволил его от управления епархией. Вскоре преосвященный навсегда покинул революционную столицу и перестал принимать какое-либо заметное участие не только в политике (что было бы тогда опасно ввиду его репутации «распутинца»), но и в церковной жизни: он не был даже членом Поместного Собора 1917 – 1918 гг., хотя и получил, как напоминает читателям С.Л. Фирсов, один голос во время определения кандидатов на Патриарший престол (С. 207). Наконец, в главе описана встреча митрополита Антония (Храповицкого) с митрополитом Питиримом незадолго до смерти последнего, последовавшей в 1920 г.

Говоря об основном содержании монографии, хотелось бы также отметить тот факт, что исследователь уделил пристальное внимание сведениям об окружении владыки Питирима. Он упоминает о том, что из Чернигова (где владыка первоначально был викарием) в Тулу он привез вслед за собой целую свиту. С.Л. Фирсов видит проблему Питирима в том, что «в своей личной жизни и служебной деятельности епископ руководствовался советами преимущественно этого окружения, разобравшего владыку и его... паству» (С. 35). Слова относились к тульскому периоду преосвященного Питирима, однако процитированные замечания чуть ниже позволяют С.Л. Фирсову «перекинуть мостик» к более важному историческому значению влияния окружения. Ведь, аргументирует исследователь, когда владыка стал политической фигурой, проблема окружения вышла «за пределы церковной ограды» и стала всеобщей (см. на С. 36). Не случайно поэтому в книге рассматривается и фигура И.З. Осипенко, приближенного к преосвященному Питириму человека (см. со С. 55 и особенно с С. 58 – 59), с некоторого времени – его личного секретаря^[iv]. В

последней главе С.Л. Фирсов рассказывает весьма интересные подробности о послереволюционной судьбе И.З. Осипенко.

Кроме того, автор книги останавливается (ибо не мог не остановиться) на контактах владыки и Г.Е. Распутина (С. 62 и затем далее почти по всей книге), с которым «имя владыки Питирима оказалось навсегда связано» (С. 63). Для Распутина Питирим «был хорош... одним: не враг и почителен» (С. 91). Исследователь в своей книге обращает пристальное внимание на известные нам из источников факты личного общения Распутина и владыки (см. С. 107 и др.), а также на регулярность общения Осипенко и Распутина (С. 109)^[v].

В заключении С.Л. Фирсов убеждает читателя в неправильности простой смены знаков в отношении исторического персонажа (в его случае – митрополита Питирима), настаивая на внимании к источнику и отвергая попытки мифологизировать факты вокруг предреволюционных событий, предпринимавшиеся некоторыми авторами. Такая установка, надеемся, позволит еще более объективно раскрыть события предреволюционной истории Русской Церкви, в том числе связанные с биографией столичного архипастыря.

Нельзя не заметить, что книга очень удачно оформлена, хорошо отредактирована и в научном (в чем заслуга известного церковного историка священника Александра Мазырина), и в техническом отношении. Однако отсутствие именного указателя и списка литературы затруднит (по крайней мере для коллег автора из исторического цеха) ознакомление с материалом книги. Стоит отметить и часто встречающийся даже в научной литературе недостаток: не указан источник или шифр хранения помещенных в книгу иллюстраций (фотопортретов). Думается, что у читателя может произойти некоторый диссонанс при взгляде на портреты, напечатанные на С. 110 и С. 115. Надписи под ними сообщают, что на них изображен один и тот же человек – митрополит Питирим. Но если на С. 110 это действительно митрополит Питирим, то ему ли принадлежит фотография, которую читатель книги может разглядеть во втором случае?

Подводя итог всему сказанному выше, следует отметить, что новая монография С.Л. Фирсова – выдающегося исследователя церковной истории с широким кругом научных интересов и исключительной профессиональной компетенцией и эрудицией – создает образ архиерея, совершенно не занимавшегося своим основным делом – служением Христу, Его Церкви и народу Божию. В этом смысле заголовок («Искусившийся властью») вполне точен. Но действительно ли таким и оказался в истории Русской Церкви владыка Питирим? Может быть, в проделанном исследовании не хватает полутонов и положительных характеристик? Кажется, ответ на эти вопросы могут дать только новые исследования по предреволюционному периоду истории Русской Церкви.

---

[i] См. *Конюченко А.И.* Архиерейский корпус Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века: Исследования и материалы. Челябинск, 2005.

[ii] К слову сказать, чуть ниже исследователь высказывается уже совершенно иначе, замечая, что Питирим «был не вполне типичным архиереем» (С. 32). Как представляется, вопрос о *типичности* в данном исследовании имеет метафорическое или эмоциональное наполнение, потому что для научных выводов о типичности или нетипичности требуется просопографическое изучение епископата, аналогичное труду А.И. Конюченко или идущее дальше, развивающее его достижения.

[iii] Исследователь здесь совершенно прав: как следует из статистики, приводившейся в эти годы в ежегодных отчетах обер-прокурора по ведомству православного исповедания, по числу духовенства, монастырей и ряду других количественных показателей Курская епархия превосходила Тульскую.

[iv] Весьма любопытным представляется эпизод 1915 г. с представлением Осипенко в награде. Несмотря на высокое ходатайство, приложенное к представлению архиепископа Питирима о награждении его любимчика, синодальная бюрократическая машина отреагировала четко: должность личного секретаря при экзархе по штату экзархата не значит, а Осипенко не имеет прав

государственной службы (С. 87). Надо указать на этот факт как на проявление преимуществ синодального строя церковного управления.

[v] К слову сказать, приведенные С.Л. Фирсовым факты являются ярким свидетельством того, как окружение может менять образ человека в истории.

[История Русской Православной Церкви, Церковь и государство](#)

Ключевые слова:

[История Церкви](#)

См.также:

[Professor Janet Burton to give University of Wales lecture on Monastic Identity](#)

[Society for Biblical Literature and American Academy of Religion meetings to be held in San Francisco](#)

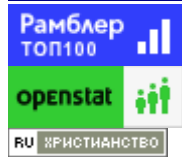
[Birkbeck Lectures 2011: 'Scriptures, paideia, and the Religious Revolution of Late Antiquity'](#)

[Göttingen Syrologentag to be held in December 2011](#)

[Автобиография Преподобнейшего Романа \(Танга\), епископа Таллиннского и Эстонского](#)

[Dr Sebastian Brock to speak as part of 'A History of Christianity in Fifteen Objects'](#)

[Orthodox religious center in Bari finally handed over to Russian Church](#)

Портал [Богослов.Ru](#)

АНО "ЦИТ МДА".

Смотрите канал портала на [YouTube!](#)

Все права защищены 2007-2017. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-46659 от 22.09.2011

При копировании материалов с сайта ссылка обязательна в формате:

Источник: [Портал Богослов.Ru.](http://bogoslov.ru/)

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Редакция открыта к сотрудничеству и готова обсудить предложения.